

тайно

Вена 18 сент. 1872 г.

Дорогой новый друг!^[1]

Я выполняю свое обещание по возвращении в свой старый дом^[2] рассказать Вам о моем путешествии, но бог знает какой штормовой ветер так быстро нес меня из Фрайберга^[3], я почти утратил воспоминание о прошлом^[4], я словно глух и слеп ко всему, что происходит вокруг^[5]. Вопросы, ласки, пожелания счастья, и не открываю рта.

Мне будет трудно разобраться в своих воспоминаниях о вчерашнем дне. Я словно на исповеди расскажу всю правду без прикрас^[6], но только Вам, и надеюсь, что ничей чужой глаз не увидит этих строк. Однако если это все-таки случится и Вы не сможете этому препятствовать, не пишите мне ничего об этом, иначе с правдой будет покончено, и Вы не получите ничего, кроме гладких фраз, из которых ничего не почерпнете.

Первой нашей попутчицей было бедное создание с ужасно обезображенным отеками лицом. Я хотел заставить себя остаться, чтобы не обижать беднягу, но мое состояние становилось все невыносимее, а когда девушка еще и заговорила и сняла платок, отвращение победило тактичность, с которой следовало отнестись к страдалице. Мы вышли, — но поскольку мне опять не повезло, я попал в общество достопочтенного старика еврея и соответствующей старухи еврейки с томной меланхоличной дочуркой

и наглым подающим надежды сыном. Компания была для меня невыносимее любой другой; одно маленькое замечание, которое я сделал, краснея от гнева, не смогло подсластить мне скуку. Люди не такие разные, как кажется, они легко делятся на большие классы по своему мышлению и действию, это и естественно, ведь схожие условия всегда порождают схожих людей!^[7] (Я, как вижу, не избавил Вас от замечаний, хотя поначалу этого не хотел.)

Этот еврей говорил так, как тысячи других, которых я слышал, даже во Фрайберге, даже его лицо казалось мне знакомым, этот человек был типичным. Мальчик, с которым он беседовал о религии, тоже. Он был из того дерева, из которого судьба вырезает мошенников, когда приходит время: ловкий, лживый, вращиваемый дорогими родственниками в веру, что он талантлив, при этом без принципов и мировоззрения. Богемская кухарка с совершеннейшим лицом мопса, какое я когда-либо видел, переполнила чашу^[8]. Мне надоел этот сброд. — В ходе разговора я узнал, что госпожа еврейка с семьей из Мезиржичей^[9]: подходящая навозная куча для такой растительности.

От Прерау^[10] меня освещали две прекрасные звезды. Здесь Вы остановитесь и приложите два пальца ко рту, — это были глаза-звезды. Тем не менее рассказываю по порядку и ничего не пропускаю. Пиво в Прерау было превосходным, нектар, как сказали бы Вы, жаркое из говяжьего филе на тарелке, помеченной буквами «L. L.», мне пришлось не по вкусу. Предполагаю, что виной этому были мои соседи. Напротив меня сидела нервная, дрожащая от волнения женщина, приведшая в отчаяние всех официантов, каждые две секунды взглядывавшая на часы и потом на поезд, охая и вздыхая так, что растрогала сердца всех, кто сидел поблизости, и пообедавшая, оплатившая и выбравшая купе всего за четверть часа. Я мог бы спросить ее, неужели она считает нашу земную жизнь столь быстротечной, что нельзя потратить час на то, чтобы отобедать с удобством; но мысли о быстротечности совсем не приходили мне в го-

лову, потому что обок от нервной женщины сидела ее 12-летняя дочь с ангельской головкой и таким нейтральным лицом, что из нее по-прежнему мог бы выйти хорошенький паж. Ребенок ел с гораздо большей приятностью, чем мать, и после каждого откушенного кусочка ее робкие карие глаза оглядывали других обедающих. Однако прежде чем мой первый голод был утолен и я смог улучшить время, чтобы посмотреть в эти карие глаза, боязливая мать увела ее и ее маленькую сестренку. Но я вскоре нашел их и терпел неприятнейшее общество, чтобы слишком большим расстоянием не лишить себя надежды провести рекогносцировку. Дело в том, что когда я хотел войти в почти пустое купе, находившееся лишь в трех купе от их мест, меня не хотел выпустить солдат; стоя перед купе и указывая на другого сидящего в вагоне, он сказал: у него с головой не в порядке, общество будет Вам неприятно. Я понял, что один был помешан, а другому, его товарищу, было поручено доставить его в лечебницу; но надежда увидеть из окна прекрасное дитя перевесила. Скоро к этим двум присоединились еще другие солдаты, все они были посвящены в тайну и обращались с помешанным достаточно любезно. Были шутки и смех, они рассказывали военные байки, но для меня их болтовня была пустым звуком, ведь я стоял у окна и ждал, когда покажется светловолосая голова с большими вопрошающими глазами. Скоро я ее увидел и даже в самом сильном шуме не отводил от нее глаз. Ветер весело ерошил ее короткие кудрявые волосы. Два часа пролетели, как одна минута. Но потом голова спряталась в окне, и я увидел ее только, когда с того боку, на котором мы оба сидели у окон, появилась станция. Но от этого время проходило для меня не менее приятно. Я ждал и надеялся и между тем думал о Фрайберге. До тех пор у меня не было времени окинуть мысленным взором эти шесть недель. Так я прибыл в Вену. Я еще раз увидел нервную мать и светловолосого ребенка и дал себе обет следить, не встречу ли я их снова в венской суете. — Так кончается мой маленький роман. Мне было

бы жаль, если Вы ожидали большего и подумали, что ради этого не стоит труда «молчать».

Я достоверно записал свое и хочу избавить Вас лишь от упоминания впечатления, которое на меня произвела Вена. Она была мне отвратительна. Будьте здоровы и общайтесь мне все, что только может интересовать фрайбержца и друга Вашего дома. Если в ближайшем письме Вы потребуете рассказа об Их.^[1], который я остался Вам должным, я Вам не откажу.

Ваш Зиг. Фрейд

[1] Возможно, что Фрейд познакомился с Эмилем Флюссом в конце марта 1872 года. По крайней мере, о случайной встрече с ним Фрейд упоминает в письме от 25 марта 1872 года другому своему другу Эдуарду Зильберштейну¹: «Сегодня я случайно столкнулся с братом Ихт.² — *Ichtyosaurus communis* L. — Он поприветствовал одним пальцем. Не могу сказать, как меня огорчает, что это был он, а не “она”. Ведь моей встрече с ним грош цена» (Freud, 1989a [1871–81; 1910]. S. 7). Позднее, в письме от 12 августа 1872 года Фрейд дает следующее описание своего друга: «Ваша милость помнит юношу по имени Эмиль, главу красильни, который уже тогда попытался прельстить меня Их. — Этот юноша — мой любимец, я считаю его порядочным человеком, очень сдержанным и способным к благородным чувствам, при этом он не располагает теми материалистическими принципами, которые возвышают человека только тем, что унижают его мелкость» (Freud, 1989a [1871–81; 1910]. S. 18).

[2] Семья Фрейдов в период с 1869 или 1870 года по 1875 год проживала в Вене по адресу: Pfeffergasse 5 (см. Freud, 1989a [1871–81; 1910]. S. 3).

[3] Фрайберг [Freiberg] (по-чешски: Пршибор [Příbor]) — город в Моравии. — Ср. в работе «Самоизображение»: «Я родился 6 мая 1856 года во Фрайберге в Моравии, маленьком городке современной Чехословакии. Мои родители были евреями, я тоже остался евреем. О семье моего отца мне известно, что она долгое время жила на Рейне (в Кельне), из-за преследования евреев

¹ См. прим. 9 к письму 2.

² [См. прим. 4 к письму 2.]

в четырнадцатом или пятнадцатом веке бежала на Восток, а в девятнадцатом веке отправилась в обратный поход из Литвы через Галицию в немецкую Австрию. Ребенком четырех лет я приехал в Вену, где получил образование» (Freud, 1925d [1924]. S. 34). Спустя три года после рождения Зигмунда семья покинула Фрайберг, но в юности Фрейд посетил родной город в летние каникулы в качестве гостя семьи Флюсс. Много позднее об этом он упоминает в письме бургомистру города Пршибор. Оно было зачитано 25 октября 1931 года при открытии памятной доски на родном доме Фрейда. Так, Фрейд, в частности, пишет: «Я покинул Фрайберг в возрасте 5 лет, вновь посетил его в 16 лет гимназистом на каникулах, гостем семьи Флюсс, и с тех пор никогда там не был. С того времени многое со мной приключилось: мне пришлось много трудиться, пережить некоторые страдания, а также счастье и определенный успех, как это обычно смешивается в человеческой жизни. Теперь, когда мне 75, нелегко перенестись в то раннее время, из богатого содержания которого в воспоминании всплывают лишь немногие остатки, но в одном я могу быть уверен: глубоко во мне еще продолжает жить счастливый фрайбергский ребенок, первый сын юной матери, получивший первые неизгладимые впечатления из этого воздуха, от этой земли. Так позвольте мне заключить свою благодарную речь сердечным пожеланием счастья этому месту и его жителям» (Freud, 1931e).

- [4] Ср. с фрагментом воспоминаний о том времени, которые Фрейд приводит от имени другого лица в статье «О покрывающих воспоминаниях»: «Дело в том, что в семнадцать лет я впервые снова гимназистом приехал на каникулы на свою малую родину, а именно, в гости к семье, с которой мы дружили с того предвремени. Я очень хорошо помню, какое множество возбуждений тогда овладело мною. Но я уже вижу, мне придется рассказать Вам теперь большой кусок истории моей жизни; он относится сюда, и Вы воскрепсите его своим вопросом. Итак, слушайте. Я сын изначально зажиточных людей, которые, как я полагаю, жили в том маленьком провинциальном гнездышке довольно уютно. Когда мне было около трех лет, в промышленной отрасли, которой занимался отец, произошла катастрофа. Он потерял свое состояние, и мы вынужденно покинули это место, чтобы переселиться в большой город. Тогда начались долгие суровые годы; полагаю, они не стоили того, чтобы что-то в них запоминать. В городе я никогда не чувствовал себя по-настоящему уютно; сейчас я считаю, что томление по прекрасным лесам родины, в которых я убежал от отца, еще когда едва мог ходить, о чем свидетельствует одно из сохранившихся о том времени воспоминаний, никогда меня не покидало. Это были мои первые каникулы за городом, эти в семнадцать лет, и я, как было сказано, был в гостях у семьи друзей, которые со времени

нашего переселения очень преуспели. У меня была возможность сравнить царившее там довольство с образом жизни у нас дома, в городе» (Freud, 1899a. Абз. 18). — Об автобиографических истоках материала в данной статье см. Bernfeld, 1946.

- [5] Ср. *Mollis inertia cur tantam diffuderit imis oblivionem sensibus* (лат.) — Власть бездействия мне почему столь глубоким забвением все чувства переполнила. Гораций. Эподы. 14, 1. Цитирование обнаружено: Gedo & Wolf, 1970.
- [6] Ср. *Nudas veritas* (лат.) — голая правда. Гораций. Оды. 1, 24, 7. Цитирование обнаружено: Gedo & Wolf, 1970.
- [7] Ср. *Fortes creantur fortibus* (лат.) — храбрый рождает храброго. Гораций. Оды. 4, 4, 29. Цитирование обнаружено: Gedo & Wolf, 1970.
- [8] «*Machte das Maß voll*» — фраза из Псалмов. Цитирование обнаружено: Gedo & Wolf, 1970.
- [9] Мезиржичи [Meziříčí] — моравский город на пути из Фрайберга в Вену.
- [10] Прерау [Přerau] (ныне: Пршеров [Přerov]) — моравский город на пути из Фрайберга в Вену.
- [11] Их. — сокращение от «Ихтиозаура»; шуточное слово, образованное Фрейдом от греческого *ichthys* (рыба). Само понятие «Ихтиозаура», скорее всего, является обыгрыванием образа «блюстителя моральных устоев» Ихтиозавра из одноименного стихотворения Йозефа Шеффеля (Scheffel, 1873). Шеффель, Йозеф Виктор фон [Scheffel, Joseph Victor von] (1826–1886) — немецкий поэт и романист. — Этим словом в общении с друзьями Фрейд, вероятно, называет различных девушек, вызывающих его интерес и симпатию (Dörflinger, 2011). — Обещанный рассказ см. в следующем письме.